

А. А. Петрушин

ГЕНЕРАЛ ПЕПЕЛЯЕВ: ГЕРОЙ И ЖЕРТВА СИБИРСКОГО БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ



А. Н. Пепеляев,
генерал-лейтенант,
командующий 1-й
Сибирской
армией. 1919 г.

В сравнении с Вооруженными силами Юга России, которыми командовал генерал А. И. Деникин, кадровое офицерство Белого движения на Урале и в Сибири было малочисленным. К июлю 1919 г. офицеров производства до 1915 г. насчитывалось здесь около тысячи, а основную массу командного состава — 16-17 тыс. чел. — составляли офицеры, в подавляющем большинстве вчерашние интеллигенты, получившие это звание в 1916-1919 гг. Дивизиями и корпусами на востоке не командовал ни один из генералов царской армии. Всеми соединениями руководили офицеры, пришедшие в Белую армию в чине не выше полковника и произведенные в генералы Временными правительствами и адмиралом А. В. Колчаком. К числу наиболее талантливых офицеров Белой армии, выдвинувшихся на Восточном фронте, следует отнести генералов В. О. Каппеля, Б. В. Анненкова и А. Н. Пепеляева.

Анатолий Николаевич Пепеляев родился 3 июля 1891 г. в Томске в семье отставного генерал-лейтенанта. В 1908 г. окончил Омский кадетский корпус, а в 1910 г. — Павловское военное училище в Петербурге. Служил в должности младшего офицера пулеметной команды в 42-ом Сибирском стрелковом полку в Томске.

В составе разведывательного подразделения этого полка участвовал в боевых действиях на русско-германском фронте. За мужество и храбрость был награжден орденами Станислава II и III степеней, Анны IV, III, II степеней, Владимира IV степени, Золотым Георгиевским оружием и орденом св. Георгия IV степени.

Перед свержением самодержавия получил чин капитана, а при Временном правительстве произведен в подполковники.

Позднее Пепеляев написал: «... Моим знаменем на германской войне было — победа и величие России. Для этого я не щадил своей жизни, но действительность оказалась иной: боевые полки бестолково гибли. Таяли новые пополнения, армия не получала патронов и снарядов... Встал вопрос: кто виноват? Ответ один: бездарное правительство, неспособное организовать оборону страны. Поэтому я, как и большинство офицеров, спокойно встретил февральскую революцию и отречение Николая Романова от престола. Но и пришедшее к власти правительство князя Львова

и Керенского не сумело остановить развал державы и армии. Мои бывшие полководцы Брусилов, Корнилов и Алексеев издавали приказы, которые никто не выполнял. Войска уходили с позиций. В этом я видел гибель России и искал какую-то силу, способную изменить катастрофическое положение. С такими чувствами тоски и безнадежности я возвратился в Томск...»

«В феврале 1918 г., — вспоминал Н. В. Пепеляев, — я встретил на улице капитана Достовалова, с которым учился в Павловском военном училище. На фронте он командовал батальоном, имел ранения и награды. «Ты еще не состоишь в организации?» — его первый вопрос. «Нет, — ответил я, — да и не знаю никакой организации». Он: «А мы о тебе говорили: приходи завтра в гостиницу «Европа». Так я вступил в подпольную офицерскую организацию, возглавляемую полковником Самороковым, и был назначен начальником штаба»...

Мятеж чехословацкого корпуса ускорил вооруженное выступление офицеров. 27 мая они свергли в Томске советскую власть. Временное Сибирское правительство П. В. Вологодского приступило к формированию собственной армии. Пепеляев был назначен командиром 1-го сибирского стрелкового корпуса. Первоначально численность корпуса не превышала нескольких сотен добровольцев и мобилизованных офицеров. Однако при наступлении по линии Транссиба они заняли Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, Читу и в сентябре встретились на станции Оловянной с казаками атамана Г. М. Семенова.

Но по-настоящему звезда 27-летнего генерала Пепеляева возшла 25 декабря 1918 г.: захват Перми и разгром 3-й армии красных открывал дорогу на Москву. Барон Будберг записал в своем дневнике: «Лавры Пермской победы вскружили всем головы: посыпались награды, на фронте имеются уже несколько кавалеров Георгия III-й степени; бывшие штабс-капитаны сделались генерал-лейтенантами...».

Но в Гражданской войне развитие событий переменчиво. После поражения в июне 1919 г. Западной армии генерала Ханжина на подступах к Самаре и у Бузулука Пепеляев получил приказ отступать за Каму на Пермь и дальше на Тюмень и Ишим. Тогда же вооруженные силы Колчака были реорганизованы: их разделили на три армии. Пепеляева назначили командующим 1-й Сибирской армией. Оборонительная операция на реке Тоболе, которой он руководил, развивалась успешно, но из-за общего кризиса колчаковского режима войска потеряли боеспособность и отходили без сопротивления на восток.

«После неудач на Тоболе, — вспоминал Пепеляев, — генерал Дитерихс был смещен с должности главнокомандующего. Сме-



Б. В. Анненков,
командующий
Отдельной
Семиреченской
армией. 1919 г.

нивший его генерал Сахаров приказал мне погрузить часть армии в эшелоны и перебросить ее в Новониколаевск, Томск, Тайгу, Барнаул, Красноярск для пополнения новобранцами и организации нового фронта. Однако запасные полки в тыловых городах выражали резкое недовольство властью Колчака и не хотели сражаться с красными войсками. Упала дисциплина. Жажда как-то скорее окончить войну овладела всеми. Началось повальное дезертирство. Между Томском и Красноярском 1-й Сибирской армии не стало...»

16 декабря 1919 г. Пепеляев в эшелоне выехал из Томска в Мариинск, а затем в походном порядке с арьергардом в 800 человек прикрывал отход 2-й и 3-й армий Каппеля и Войцеховского.

Внутренние неурядицы в ставке сибирской контрреволюции привели к возникновению заговора во главе со старшим братом генерала Пепеляева — Виктором Николаевичем Пепеляевым, премьер-министром колчаковского правительства. Он хотел примириться с демократической общественностью в лице земств и городских дум Сибири, недовольных военной диктатурой. Заговорщики готовы были заменить Колчака Пепеляевым-младшим, на войска которого они рассчитывали опереться в случае упорства адмирала. 9 декабря на станции Тайга братья Пепеляевы арестовали главнокомандующего колчаковских армий Сахарова. Для переговоров с Колчаком и создания правительства «общественного доверия» отправился Пепеляев-старший (6 февраля 1920 г. его вместе с Колчаком расстреляли в Иркутске по постановлению местного ревкома).

Однако значительная часть офицерства не разделяла взглядов Пепеляевых. И без того деморализованные белые войска остались без управления. Только 12 декабря в должность главнокомандующего вступил генерал Каппель. Но прекратить отступление, похожее на бегство, не удалось.

В трагедии белого движения в Сибири стали обвинять генерала Пепеляева, который заболел тифом и в санитарном поезде чехословацких войск был доставлен на лечение в Верхнеудинск.

Весной 1920 г. большие и малые отряды белых собрались в Забайкалье. Но Пепеляев оставил свой отряд в Сретенске и уехал в Харбин, где находились его жена Нина Ивановна и семилетний сын Всеволод. Мотивы своего отказа продолжать вооруженную борьбу с большевиками объяснил позднее так: «Я решил уехать из России, чтобы пересмотреть прошлое с его ошибками. В Чите я получил в японском консульстве рекомендательные письма и в апреле оказался в Харбине».

Характеризуя обстановку среди дальневосточной белой эмиграции в Маньчжурии, Пепеляев писал: «... Разгром белых армий выбросил в полосу отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) первую волну беженцев. Здесь были бросившие свои имена

**Адмирал
А. В. Колчак.
1919 г.**



помещики из Казани, Самары, Уфы, буржуазия Урала и Сибири, железнодорожники Златоустовской и Пермской дорог, сибирские, уральские и оренбургские казаки, зажиточные крестьяне с Волги и Камы, десятки тысяч солдат. Все они спешили как-то устроиться, приспособиться к новым условиям, жадно ловили слухи с родины, верили, что их пребывание здесь — временное и скоро возвращение в брошенные города и села. Жизнь в Харбине кипела. Знакомства завязывались легко и быстро. Сходились в столовых «Союза городов», в дешевых трактирах и чайных, а то и просто на улицах.

Тоска и разочарование в прежних идеалах прошли. Со мной в Маньчжурию пришли офицеры и солдаты, за которых, кроме меня, никто не хотел побеспокоиться... Тогда я организовал артели плотников, грузчиков, извозчиков. Для взаимопомощи организовал «Воинский союз», председателем которого выдвинули генерала Вишневого, бывшего командира 2-го корпуса моей армии.

... Япония, зорко следившая за политической жизнью в Харбине, отметила создание «Воинского союза» как организацию, способную продолжать борьбу с большевиками. Не случайно от японского правительства через бывшего министра иностранных дел Сибирского правительства И. А. Михайлова мы получили 10 тысяч иен...».

Пепеляев в этих воспоминаниях — показаниях скрыл тайную встречу с представителем существовавшей тогда в Верхнеудинске Дальневосточной Республики Азарниным, который интересовался позицией генерала на случай войны с Японией. Пепеляев ответил, что при отрицательном отношении к атаману Семенову в Чите и правительству братьев Меркуловых во Владивостоке он считает своим долгом защищать Отечество от японских интервентов. Его порученцы — полковник Остроумов и капитан Гензели — установили контакт с большевиками в Благовещенске, но после переговоров с Трилиссером, секретарем Амурского облревкома и членом Госполитохраны (ГПО) ДВР, убедили Пепеляева, что власть в ДВР принадлежит коммунистам, крестьянство относится к ним враждебно, а реальной угрозы войны с японцами нет.

Тогда же судьба свела генерала с областниками А. В. Сазоновым, Н. С. Калашниковым, А. Г. Соболевым, которые вынашивали идею создания на Охотском побережье и в Якутии автономии, свободной от власти большевиков.

Вот как об этом писал сам Пепеляев: «... 1921 год активизировал русскую эмиграцию. Постоянные сообщения белогвардейских газет о голоде в России, о жутких репрессиях и крестьянских восстаниях будоражили беженцев. Созывались совещания и съезды. Создавались и распадались политические блоки, кабинеты и правительства. Спорили за министерские портфели. Подсчитывали иностранные деньги и российские штыки. На политическом горизонте вновь замаячили представители зарубежных посольств, консульств и миссий. Особую активность развили японцы. Они ско-

лотили широкий антибольшевистский блок: харбинское и беженское купечество, сибирско-уральское общество мукомольцев, политические группировки газет «Свет», «Русский гос», «Заря», кооператоров, земский и городской союз... Споры шли из-за атамана Семенова: японцы не хотели с ним расставаться, а эмигранты, даже не социалистической ориентации, не хотели с ним знаться.

Еще зимой 1921 г. в Харбине появился Сазонов, видный эсер, лидер сибирских предпринимателей. Он организовал «Сибирский комитет», политической платформой которого стало возрождение Сибирской автономной республики. Предполагалось: использовать восстание крестьянства в Сибири для воссоздания сибирской армии, а созванная Сибирская Дума установит новую буржуазно-демократическую форму правления с восстановлением частной собственности на землю и средства производства.

Базой для формирования этой армии и стал мой «Воинский союз».

В конце 1921 г. во Владивостоке в правительстве Меркуловых появился промышленник П. А. Куликовский, возглавлявший кооперативное объединение «Холобос». Действуя от имени предпринимателей Якутии, Куликовский получил от Приморского правительства полномочия управляющего Якутской области.

В апреле 1922 г. Куликовский, Сазонов и их сподвижники Головачев, Попов и Никифоров на конспиративной встрече во Владивостоке, предъявив Пепеляеву протокол заседания нельканских купцов о «страданиях населения Якутии от коммунистов», предложили генералу организовать военную экспедицию для помощи восставшему якутскому народу. Пепеляев согласился ее возглавить.

«... Руководство «Сибирского комитета», — вспоминал он, обещало выделить для финансирования «экспедиции» 500 тысяч рублей золотом из колчаковских запасов, переправленных в Японию. Однако я получил лишь 60 тысяч, а также тысячу винтовок и 100 тысяч патронов. В конце августа я сформировал «Сибирскую добровольческую дружину» численностью 750 штыков с 2 пулеметами и на двух пароходах отправился в якутский поселок Аян...»

Секретные переговоры во Владивостоке совпали с рождением 5 апреля 1921 г. в семье Пепеляевых второго сына, которого окрестили Лавром (в память о генерале Л. Г. Корнилове, организаторе и командующем белогвардейской Добровольческой армии).

Штаб «дружины» составили сподвижники генерала по борьбе против красных в Сибири, находившиеся в Харбине полковники Шнаперман, Леонов, Иванов, капитаны Киселев, Аняпов, поручик Малышев и другие офицеры — 120 добровольцев. Формирование завершилось во Владивостоке. При этом не обошлось без происшествий: часть добровольцев пьянствовала и устраивала скандалы со стрельбой. Жесткими мерами генерал наладил дисциплину. Было принято несколько воззваний. Первым стало обращение об условиях приема в «Сибирскую добровольческую дружину». Его дословное содержание таково: «Я поступил добро-



В штабе
главнокомандую-
щего Сибирской
армией
А. Н. Гришина-
Алмазова.
1918 г.

волью, по своему желанию, меня никто не заставлял. Иду вместе с другими любящими свой край добровольцами освобождать народ от большевиков. Буду помогать населению — русским, якутам, тунгусам — выгнать большевиков и устроить для народа свободную мирную жизнь и порядок, какой захочет сам народ. Я должен быть честным, храбрым, выносливым, никого не обижать, не грабить, не насильничать, не убивать того, кто добровольно сдаст оружие, чтобы видел народ, что мы защитники его, а не грабители. Должен знать в лицо своих начальников, исполнять их приказания скоро и честно, как на глазах, так и за глазами; с другими добровольцами должен жить дружно, помогать им во всем, выручать из беды, не бросать в бою. Исполняя службу добровольца, должен быть всегда готов перенести всякие лишения, болезни, раны и самую смерть стойко и безропотно».

В другом документе под названием «Задачи и цели Сибирской добровольческой дружины» отмечалось: «Мы, войско Сибирской добровольческой дружины, идем помочь нашим братьям в Сибири освободиться от гнета коммунистической диктатуры. Ни власти, ни главенства мы не ищем, мы верим в народ, верим, что в процессе борьбы найдутся силы, которые организуют истинно народную власть и наладят жизнь и хозяйство в освобожденных районах. На наших знаменах один лозунг: «Свободная, мирная жизнь всех граждан, управляемых властью, ими самими выбранной». Не ненависть, не месть несем мы, а свободу, прощение взаимных обид и мирную жизнь. Довольно классовой борьбы, интересы каждого класса должны прежде всего подчиняться интересам народа и Родины».

Довольно диктатур — красной и белой, которым принесены в жертву десятки тысяч жизней народных. Мы знаем, какие ужасные кошмары переживает Сибирь под властью красной диктату-



Генерал-лейтенант
В. О. Каппель.
1919 г.

ры. Цветущий, богатый край превращен в пустыню. Далекий и трудный наш путь. Непреклонной верой в торжество правды во имя счастья народного смело пойдем мы в этот путь. С богом, братья!»

Требуется пояснения место десантирования «дружины» Пепеляева. После февральской революции 1917 г. в Охотском уезде власть менялась несколько раз. Вначале старый начальник уезда был избран уездным комиссаром. В феврале 1918 г. из Хабаровска поступило указание об организации советской власти. В Охотский Совет избрали двух рабочих, двух казаков, якута и эвенка. Этот Совет ничем себя не проявил за исключением реквизиции товаров у одного местного богача. В январе 1919 г. после сообщений о поражении большевиков охотский Совет был переименован в Комитет общественного спасения. В марте того же года из Управления Камчатской областью пришла телеграмма, в которой предлага-

лось передать власть поселковому старшине. 6 июля 1919 г. в Охотск пришла шхуна «Михаил» с отрядом полковника Широких, который ориентировался на атамана Семенова. Полковник объявил себя уполномоченным по охране государственного порядка, забрал все имевшееся в поселке золото и уехал, а, вернувшись в сентябре, назначил представителем гражданской власти инженера Молчанова, которого красные расстреляли в 1920 г.

14 декабря 1919 г. оставленные полковником в Охотске солдаты взбунтовались. Переворот носил явно анархистский характер. Бунтовщики безо всяких оснований расстреляли 19 человек.

С открытием навигации 1920 г. в Охотск на пароходе «Астрахань» прибыл уполномоченный Приморского правительства Сентяпов. В ноябре того же года там была создана большевистская организация. 14 апреля 1921 г. Якутский областной комитет РКП(б) приказал арестовать Сентяпова, но тот скрылся и сформировал партизанский отряд, к которому примкнули бывшие колчаковские офицеры, служившие в местных красных военных комиссариатах. Среди них главную роль играл корнет Коробейников, по своим политическим взглядам яркий монархист.

Назвав отряд «Якутской народной добровольческой армией», он захватил два советских парохода, разграбил склады в Нелькане и стал наступать на Якутск.

В октябре 1921 г. на Охотский рейд прибыли пароходы «Килишев» и «Свирь», с которых высадился отряд полковника Бочкарева. Красные, около 120 человек, отступили к Якутску, но в пути почти все погибли от голода и холодов. Обосновавшиеся в Охотске бочкаревцы бесчинствовали и грабили местное население, насчитывавшее тогда 6,5 тысяч человек, 3/4 из которых составляли эвенки и якуты.

Пепеляев считал эту территорию благоприятным плацдармом для высадки и наступления на Якутск. Хотя его экспедиция готови-

лась с мерами предосторожности, органы госполитохраны ДВР, находившиеся под контролем ВЧК-ГПУ, узнали о готовящемся десанте.

30 августа 1922 г., когда пароходы Пепеляева взяли курс на Аян, в ГПО поступило агентурное донесение: «... Удалось выяснить, что как Семенов, так и Пепеляев рассчитывают в ближайшем будущем начать активную борьбу с большевиками. Пепеляев приступил к организации во Владивостоке 1-го Сибирского стрелкового полка. Этот полк должен пока входить в состав Дальневосточной армии, но впоследствии задачи и методы его действий должны быть иными. Полк формируется из верных Пепеляеву сибиряков. Действовать будет не здесь, а в Сибири, где, по сведениям Пепеляева, имя его пользуется популярностью. Предполагается, что полк отправится в Сибирь северным путем, т. е. через Охотск и Якутский район на Иркутск».

6 сентября «дружина» прибыла в Аян. Вместе с офицерами находились сибирские областники Куликовский, Попов, Борисов. Еще во Владивостоке Пепеляев написал своей жене письмо в Харбин, но по какой-то причине не смог его отправить, а потом это письмо приобщили к следственному делу генерала. «... Вот видишь, Ниночка, много, много труда и терпения нужно потратить, чтобы воспитать добровольцев, особенно офицеров. Есть такие, которые пришли просто пограбить, но теперь прониклись моими идеями... У меня почему-то полная вера в успех. Ты за нас не волнуйся, даст Бог, вернемся здоровыми или к нам приедешь в Свободную Сибирь... Молись, Ниночка, родная, чаще ходи в церковь... Не грусти, Нина, люби меня, не забывай, как я люблю и не забываю тебя. Детей береги. Да храни вас Господь. Твой Анатолий». На собрании общественности Аянской области Пепеляев отметил, что «дружина» прибыла по приглашению с целью помочь народу освободиться от власти большевиков, что состоит она из людей «идейных, для себя ничего не ищущих, им важно знать одно: действительно ли они принесут пользу народу». Затем выступил Куликовский. Несмотря на пафос, его речь не отражала реального положения дел. Началась дискуссия, смысл которой сводился к тому, что при коммунистах мирно жить нельзя, «при них голод, они расстреливают «массы», много людей, боясь расправ, ушло от красных в Охотск».

На собрании было решено, что «высшая законодательная власть остается у Якутского областного народного управления, выбранного всем народом, а исполнительная власть передается Куликовскому, выдвинутому на этот пост.

После собрания Пепеляев принял Коробейникова, который доложил сведения о расположении сил красных: в с. Нелькан до 300 красноармейцев при 5 пулеметах и двух орудиях. Всего в Якутии у противника 2000 штыков, 40 пулеметов и 6 орудий.

Генерал предложил корнету и его подчиненным влиться в «дружину» или уехать во Владивосток. Коробейников и часть его офицеров погрузились на пароходы, а солдаты перешли под коман-

дование Пепеляева. Из них был сформирован 3-й батальон численностью 200 штыков.

Генерала Ракитина с группой офицеров направили в Охотск для организации из беженцев новых частей. Там они разоружили разложившихся бочкаревцев и создали боеспособный гарнизон.

14 сентября «дружина» в составе 480 штыков выступила на Нелькан. Но заставить красных врасплох не удалось. Предупрежденные перебежавшими к ним поручиком Наха и унтер-офицером Плотниковым, они ушли из села на барже и катере по реке Май, не приняв боя. В опустевшем и разграбленном Нелькане для белых наступили голодные дни.

Пепеляев возвратился в Аян, куда 5 ноября на очередном пароходе прибыл генерал Вишневский со 180 хорошо вооруженными добровольцами. Удалось наладить снабжение между поселками. Легче стало с продовольствием. В Нелькане съезд тунгусов поддержал «дружину» и пожертвовал ей 300 оленей. В то же время Совет народных комиссаров Якутской автономной социалистической республики принял декларацию об установлении в крае советской власти. Большевистские газеты представили Пепеляева и его соратников отъявленными разбойниками и кровавыми палачами.

Пепеляев отправил в Якутск письмо, в котором предлагал мир путем созыва Учредительного собрания. В начале января 1923 г. «дружина» в составе 590 бойцов выступила из Нелькана. Генерал Ракитин со 120 дружинниками двинулся из Охотска в направлении с. Чуранга. Все силы собрались на реке Алдан, куда прибыли и представители из занятых красными Амгинской слободы и Ямшинской волостной управы. Алданский съезд заявил о поддержке «дружины». Выраженная якутами ненависть к красным, которые «расстреляли в 1921 г. много народу», стала для Пепеляева сигналом к решительным действиям. 5 февраля 1923 г. авангард «дружины» под командованием полковника Рейнгарда в составе 130 пеших бойцов и 110 конников атаковал п. Амгу. Дружинники одержали победу: им досталось 10 пулеметов и 130 винтовок. 13 февраля отряд генерала Вишневского в 175 человек вступил в бой с красными у д. Сагал-Сысы. Противник при 380 штыках и 8 пулеметах отбил атаку. Дружинники, потеряв 13 человек убитыми и 29 ранеными, заняли в деревне лишь несколько домов. Через три дня, подтянув дополнительные силы (всего 350 бойцов и 4 пулемета), белые, которых вел сам Пепеляев, захватили опорный пункт красных, но штурм укреплений из замороженного коровьего кизяка обошелся «дружине» большими потерями. 2 марта генерал получил от Вишневского донесение о поражении отряда в слободе Амге – пригороде Якутска. Захватить столицу края не удалось, а отступление в тайгу – гибель. И политическая обстановка в России изменилась: еще 25 октября 1922 г. красные вступили во Владивосток – закончилась Гражданская война.

Позднее Пепеляев так оправдывал свою военную неудачу: «...В Якутии я нашел совсем иную обстановку, чем ту, о которой мне

говорили руководители «Сибирского комитета». Повстанцы были разбиты, и вместо 12-тысячной армии остался отряд в 250 штыков, деморализованный и почти безоружный. ... Якуты помогали только транспортом и довольствием, сами в боевых действиях старались не участвовать». На военном совете в д. Усть-Лыба генерал заявил, что имеющимися силами Якутию от красных не освободить и предложил прекратить военные действия. Первыми покинули «дружину» якуты и бывшие красноармейцы. С остатками отрядов Пепеляев отступил в Нелькан. 8 апреля там собрался второй съезд, в котором кроме тунгусов участвовали жители Аяна, Салдана, Чумикана. Их лидеры Карамин и Нестеров ратовали за продолжение борьбы с советской властью, но генерал не изменил своего решения. 14 апреля «дружина» выступила из Нелькана в Аян, куда прибыла после 250-километрового перехода 1 мая. К тому времени в ней насчитывалось до 550 человек. Решили строить морские кунгасы и плыть до Амура и дальше в Китай. Стали валить лес, создали мастерские, кузницы.

Но советское правительство не могло примириться с тем, что на окраине России существует вооруженное формирование противника. В апреле 1923 г. из Владивостока в Охотск на пароходах «Индигирка» и «Севастополь» отправилась красная экспедиция под командованием С. С. Вострецова. О нем следует сказать особо.

Степан Сергеевич Вострецов родился в 1883 г. в Уфимской губернии. Был кузнецом — высокий рост, недюжинная сила. Участник первой мировой войны, трижды ранен, награжден Георгиевскими крестами. В боях с колчаковцами и поляками получил три ордена Красного Знамени и заслужил репутацию «мастера внезапного удара».

Высадившись с батальоном и 4 орудиями в 30 километрах от Охотска, он лихой атакой захватил в поселке дружинников генерала Ракитина, от которых получил сведения об обороне Аяна. Совершив скрытый переход, 400 красноармейцев в ночь с 17 на 18 июня 1923 г. окружили поселок. У Пепеляева было 350 штыков при 10 пулеметах; многие дружинники еще не оправались от ран, другие находились в тайге на охоте и рыбалке.

Генерал с 15 штабными офицерами услышали крики: «Сдавайтесь, товарищи, пришла регулярная Красная Армия». Увидев в окно подбегающих красноармейцев, Пепеляев скомандовал: «Братья, сложите оружие, я решил не сопротивляться». В избу вошел Вострецов и спросил: «Кто генерал Пепеляев?» Получив ответ, он заявил: «Генерал, я вам даю честное слово, что вы останетесь живы, вас не расстреляют, прикажите остальным сложить оружие».



Пепеляев написал обращение к остаткам своей «дружины». В нем подчеркивалось: «... Мы не совершали грабежей, мародерства не было, пленных отпускали, поэтому никто не будет расстрелян».

Адъютант генерала и один из красноармейцев передали это обращение полковникам Сивко и Цевловскому, которые со 160 дружинниками сдались красным.

Отказались подчиниться приказу Пепеляева 39 офицеров во главе с полковниками Шнаперманом и Степановым. Возле Чумикана они приняли бой: Степанов и 16 дружинников погибли, раненого Шнапермана захватили в плен.

30 июня 1923 г. экспедиция Вострецова вместе с 450 пленниками возвратилась во Владивосток. Победителя наградили четвертым орденом Красного Знамени, побежденных передали ОГПУ. 5 июля начались допросы Пепеляева и его сподвижников. Суд над ними (всего 78 человек) состоялся в Чите в январе 1924 г. и длился 20 дней.

Обвинение не предъявило генералу ни одного факта убийств представителей советской власти, расстрела пленных, мародерства, грабежей и других действий, которые квалифицируются как уголовные преступления. Уполномоченный Дальневосточного ЦК РКП(б) и Далькрайисполкома по Охотскому уезду В. А. Абрамов писал: «Пепеляев ведет оригинальную для белогвардейского генерала линию широкого демократизма по отношению к населению и гуманного отношения к красным. У населения Пепеляев идет под названием «брата-генерала», захваченных в плен красноармейцев освобождает под честное слово».

Генералу вменили в вину лишь организацию вооруженного выступления против советской власти. Решением суда 26 человек были приговорены к расстрелу. По их обращению ВЦИК всех помиловал и заменил смертную казнь на 10 лет лишения свободы. Все рядовые участники «дружины» от уголовной ответственности были освобождены.

Вместе с тем в официальном пропагандистском освещении судебного процесса и во всех последующих советских исторических трудах Пепеляев и его соратники по белому движению и экспедиции в Охотский уезд представлены как бандиты, у которых «руки по локоть в крови».

Нельзя не согласиться с мнением сотрудника Управления ФСБ России по Хабаровскому краю А. П. Лавренова, изучившего материалы уголовного дела 1923-1924 гг. на Пепеляева, что «... Пепеляев и его соратники были, наверное, последними, кто на романтической, идейной основе желал помочь народу не допустить всевластия большевизма, приведшего страну к трагическим последствиям. По тем жестоким временам Анатолий Николаевич выгодно отличался от военачальников белого движения, применявших репрессивные меры не только к красным, но и к мирному населению».

Пепеляева заключили в Ярославский политизолятор, где после двух лет содержания в одиночной камере разрешили работать плотником, столяром и сте-



кольщиком. Он переписывался с семьей, оставшейся в Харбине. В 1933 г. тюремный срок закончился. Узник подал прошение об освобождении — отказали без всяких объяснений. Он смирился со своей участью: политическими событиями в стране не интересовался, газет и книг, за исключением Библии, не читал.

Дальнейшие события были для него неожиданными. В протоколе допроса от 9 декабря 1937 г. они изложены так: «В январе 1936 г. меня вывезли из Ярославского изолятора в Москву. После суточного ожидания в одиночной камере Бутырской тюрьмы я был переведен во внутреннюю тюрьму НКВД и вечером того же дня вызван на допрос к начальнику Особого отдела НКВД комиссару государственной безопасности Гаю. При моем появлении он вышел из-за стола, крепко пожал мне руку и предложил сесть в кресло. После этого сказал: «Вот вы сидите у нас уже тринадцатый год, а мы вас не знаем. Я специально вызвал вас к себе, чтобы познакомиться и определить вашу дальнейшую судьбу».

Затем он стал расспрашивать меня о моем прошлом, о службе до германской войны и на фронте. Интересовался моими наградами, а, узнав, что за боевые отличия я был награжден офицерским Георгиевским крестом и золотым Георгиевским оружием, воскликнул с неподдельной искренностью: «Мы ценим боевых людей. Конечно, вас можно было бы использовать в армии, но, вы, наверное, технически отстали и многое забыли». Спросил, не занимался ли я военным делом в заключении. Этот вопрос меня смутил, мне показалось: начинается допрос. «Нет, — ответил я, — там я не мог заниматься военным делом, так как не имел специальной литературы». «А как бы вы посмотрели на то, — сказал Гай, — если бы вас назначить преподавателем в одно из военных училищ. Тактику могли бы преподавать?» Я ответил, что преподавал тактику около двух месяцев в прифронтовой школе прапорщиков в 1916 г. и, конечно, пошел бы на военную службу, но, если это невозможно, то поступил бы в столярную мастерскую, так как в заключении обучился столярному мастерству».

Гай, многозначительно посмотрев на меня, сказал, что ему хорошо известно, что я делал в изоляторе. «Ну, хорошо, — заметил он, — мы подумаем, как вам помочь». После этого меня увели в камеру, а потом возвратили в Ярославль, в изолятор».

4 июля 1936 г. Пепеляева снова доставили в кабинет начальника Особого отдела НКВД. «Гай зачитал постановление ЦИК СССР о моем освобождении. Я стоял по стойке «мирно». Потом он сказал: «Вас советская власть слишком жестоко наказала, но теперь вы свой срок отбыли и снова вступаете в жизнь. Выберите себе такой город, где бы вас не знали, например, Воронеж, и ведите себя крайне осторожно. Помните: за вами будут следить». И после короткой паузы добавил: «Мы вам поможем».

После окончания этой странной аудиенции бывшего генерала накормили, выдали тысячу рублей «по личному распоряжению наркома внутренних дел Ягоды» и до отхода воронежского поезда покатали на легковой машине по Москве.

Эта экскурсия вызвала у Пепеляева неподдельное волнение: «Вот она, Москва», — думал я, проезжая по улицам и площадям. В те минуты, казалось, сбылась моя заветная мечта — во главе полков вступить триумфальным маршем в столицу русской земли... Мысленно я горячо благодарил Гая за эту прогулку».

Поселившись в Воронеже, Пепеляев устроился краснодеревщиком на мебельную фабрику и проработал там чуть больше года: 20 августа 1937 г. его арестовали, изъяв временное удостоверение, выданное ему вместо паспорта, профсоюзный билет, зачетную книжку студента-заочника местного пединститута, несколько облигаций займа второй пятилетки, 1 195 руб., карманные часы и золотой нательный крест с серебрянкой цепочкой.

Ему предъявили обвинение в «руководстве крупной разветвленной контрреволюционной кадетско-монархической организации на территории Западно-Сибирского края, ставившей своей целью свержение советской власти». Пепеляева расстреляли 14 января 1938 г. в Новосибирске.

20 октября 1989 г. прокуратура Новосибирской области на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40 и начале 50-х годов» реабилитировала А. Н. Пепеляева. Его семья осталась в Харбине. Всеволод работал матросом, агентом по страхованию, охранником, занимался сельским хозяйством, рыбной ловлей, освоил шоферское дело, держал магазин автозапчастей. Лавр учился.

Вступление в Маньчжурию Советской Армии в августе 1945 г. Пепеляевы, как и большинство эмигрантов, встретили с надеждой на возвращение в родные места. Но сотрудники военной контрразведки СМЕРШ арестовали Лавра и заключили его в Востокураллаг в г. Тавде Свердловской области. 19 апреля 1947 г. постановлением Особого совещания МГБ СССР он был осужден по статье 58-6-4-11 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы. Его следы затерялись во второй половине 1950-х гг. в Камышлагае недалеко от Омска.

Всеволод успел в феврале 1946 г. переехать в Читу, однако 15 декабря 1947 г. был арестован и осужден также на 25 лет лагерей. 18 августа 1956 г. он был амнистирован по инвалидности, а 10 октября 1985 г. реабилитирован.

Нину Ивановну после арестов сыновей выслали в Южно-Казахстанскую область. Больная, без средств к существованию она больше десяти лет посылала властям прошения, добиваясь освобождения мужа и сыновей.

Победивший генерала Пепеляева Вострецов служил в Смоленске и в Витебске. Во время событий на КВЖД в 1929 г. В. К. Блюхер предложил ему командование 18-м корпусом. Он отличился и был награжден Почетным революционным оружием. Потом его назначили командиром 9-го корпуса в Новочеркасске. Умер Вострецов 5 мая 1932 г. Все другие красные командиры, воевавшие против Пепеляева в Сибири и в Якутии, были расстреляны в 1937-1937 гг.

Автором использованы материалы архивов УФСБ по Новосибирской области и Хабаровскому краю.